

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-179-192

М.А. Башкирова

**ОБРАЗ КРЕПОСТИ В РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЕ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII В.: ИСТОРИЯ ВОПРОСА
И ПРОБЛЕМА МЕТОДА**

М.А. Bashkirova

**THE IMAGE OF FORTRESS IN RUSSIAN ARCHITECTURE
OF THE LAST THIRD OF THE 18th CENTURY:
THE HISTORIOGRAPHICAL REVIEW
AND THE PROBLEM OF METHOD**

Аннотация. Образ крепости в архитектуре появляется в Новое время, когда конструктивные элементы и объемно-пространственные схемы, характерные для оборонительных сооружений, оказываются включенными в произведения гражданского зодчества, утратив свой первоначальный функциональный смысл, но при этом сохранив отчетливые черты прототипа. В отечественной историографии сложилось представление о тождественности архитектурных воспроизведений образа крепости и неоготического стиля последней трети XVIII в. Оно формировалось постепенно, вырастая из образных сравнений дореволюционных эссеистов и советских искусствоведов. Периодически повторяясь, эти сравнения, тем не менее, не становились предметом исследовательской рефлексии, так как фокус внимания был нацелен преимущественно на проблемы стиля. Наравне с устойчивой ассоциацией «замка» и «готичности» возник еще один топос — истолкование образа крепости в русской неоготике XVIII в. как мемориала русско-турецких войн, привнесший в историю вопроса стереотип об ориенталистской подоплеке некоторых построек. Отмеченные общепринятые концепции при более внимательном рассмотрении оказываются неприменимыми к целому ряду памятников: образ крепости появился в русской архитектуре еще до турецких кампаний и увлечения неоготикой Екатерины II, а вполне классицистические сооружения, наделенные чертами замка, строились параллельно с эталонными памятниками русской неоготики. Осозна-

Башкирова Мария Андреевна, аспирант кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Bashkirova Mariya Andreevna, Postgraduate Student, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

MariyaMasha@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3634-0491

ние предельности изучения стиля так или иначе приводило исследователей к проблематике архитектурной образности. Интерпретация образа открывала новые пути, иную «оптику», позволившую выявить связи отдельных памятников с европейским архитектурным контекстом и объяснить генезис их форм, а также реконструировать стоящие за ними идейные программы. Анализ историографии и современного состояния вопроса позволяет не только констатировать существование образа крепости как явления в архитектуре, располагавшегося вне стилей и присущего разным национальным школам, но использовать его как некий конструкт, который откроет путь для концептуализации целого круга хронологически и морфологически близких сооружений в русской архитектуре последней трети XVIII в.

Ключевые слова: историография русской архитектуры, интерпретация образа, неоготика, замковый стиль, русская усадебная архитектура, иконография архитектуры.

Abstract. The image of the fortress in architecture emerged in the Early Modern period when the constructive elements and volumetric-spatial schemes typical of defensive structures were incorporated into civil architecture. These structures lost their original functional meaning but retained distinctive features of their prototypes. In Russian historiography, there is a perception of the identity between architectural representations of the fortress image and the Neo-Gothic style of the last third of the 18th century. This view developed gradually, stemming from metaphorical comparisons made by pre-revolutionary essayists and Soviet art historians. Although these comparisons were periodically repeated, they did not become the focus of research reflection, as the attention was primarily directed towards stylistic issues. Alongside the enduring association of “castle” and “Gothicism”, another topos emerged, the interpretation of the fortress image in the 18th-century Russian Neo-Gothic as a memorial to the Russo-Turkish wars. This topos introduced a stereotype about the Orientalist background of certain buildings. Upon closer examination, these accepted concepts prove inapplicable to several monuments: the fortress image appeared in Russian architecture before the Turkish campaigns and Catherine the Great’s fascination with Neo-Gothic, and classical-style buildings featuring castle-like elements were constructed alongside exemplary Russian Neo-Gothic monuments. The recognition of the limitations of studying style led researchers to the issue of architectural imagery. The interpretation of the image opened new avenues and perspectives, allowing the identification of connections between individual monuments and the European architectural context, explaining the genesis of their forms, and reconstructing the underlying ideological programs. Analyzing historiography and the current state of the issue not only confirms the existence of the fortress image as a phenomenon in architecture, existing outside of styles and inherent to various national schools, but also allows it to be used as a construct to conceptualize a whole range of chronologically and morphologically related buildings in Russian architecture of the last third of the 18th century.

Keywords: historiography of Russian architecture, image interpretation, Neo-Gothic, castle style, Russian estate architecture, architectural iconography.

С середины XVIII в. в русской гражданской и церковной архитектуре стали появляться постройки, обладающие чертами крепости. Современниками они могли быть зафиксированы под названием «замка» или же позднее сопоставлены с крепостной архитектурой мемуаристами и исследователями. Все эти сооружения не образуют по-настоящему цельную группу с точки зрения развития архитектурных форм. Подражание крепостной архитектуре проявилось в них через воспроизведение характерных композиционных и объемно-пространственных решений, а также путем наделения этих сооружений конвенциональными смыслами крепости как символа, которые включали тему средневекового замка, мемориала военной славы, темницы и, позднее, национальной старины¹.

В отечественной историографии не существует специального исследования, в котором была бы поставлена и решена проблема образа крепости в архитектуре эпохи Просвещения. Речь идет не о «потешных» крепостях или же архитектурной теории самой фортификации, но об особом художественном явлении — абстрактной крепости (шато, средневековом замке, руине замка), становящейся темой для гражданского или церковного архитектурного сооружения. Несмотря на то что «замковые» черты в архитектурных произведениях последней трети XVIII в. не раз отмечались как современниками, так и исследователями, ни предпосылки для их возникновения, ни сами механизмы подобного мимезиса не были систематически изучены. Спорадически в научной литературе возникают (зачастую на правах эпитета) сопоставление с крепостной архитектурой тех или иных сооружений, снабженных имитацией башен и зубцов. В то же время «общим местом» почти каждого краеведческого очерка (а порой и музейного каталога), в котором упоминается усадебный ансамбль с башнями и/или готическим декором последней трети XVIII в., стал его семантический анализ в контексте коммеморации русско-турецких войн екатерининского времени.

В целом, крепость как источник вдохновения для архитектурного творчества до конца не проблематизирована и в зарубежной науке: граница, разделяющая *tower house* или укрепленное палаццо с постройками, в которых черты крепости присутствуют не в качестве дани традиции и рудимента, остается чрезвычайно зыбкой. Образу крепости позволяют актуализироваться лишь в контексте неоготического стиля — подразумевается, что раз сложившийся к

¹ См.: Башкирова М. А. Образ крепости и его русские архитектурные воплощения во второй половине XVIII века // Русское искусство. III. Мимезис и утопия / Под ред. А.П. Салиенко, В.В. Седова. СПб., 2022. С. 42.

1740-м гг. литературный канон *gothic fiction* созвучен архитектурной моде, то эти тексты образуют для нее некую «теоретическую базу», в результате стиль будто узурпирует тему. Между тем барочные и классицистические ее воплощения остаются вне фокуса внимания исследователей, потому что не укладываются в схему, построенную на средневекистских концептах XVIII в.

Образ крепости был не единичным феноменом художественной фантазии, но выражением если и не стройной системы, то закономерности в интенциях заказчика. Эта закономерность существует глубже истории стилей и не приурочена к одному из них. Сам по себе термин «готический», перешедший из текстов XVIII в. в искусствоведческий дискурс, потребовал множества теоретических работ, нацеленных на его определение и осмысление, и в итоге оказался настолько условным, что самой точной (или, по крайней мере, объясняющей все его особенности, не отрицая при этом какой-либо одной, «выпадающей» из теоретической модели и тем самым разрушающей ее) оказалась «апофатическая» дефиниция «неклассический»². Однако строительная практика показывает, что крепостные черты могли быть приданы сооружению с регулярным планом и классической ордерной декорацией. Тенденция представлять в образе замка особняк, храм, здания присутственных мест и т.п. невоенные сооружения действительно «концентрируется» в последней трети XVIII в. Но восходит она к предыдущему столетию, когда крепостная башня утратила оборонительную функцию, став символом, а область эфемерной архитектуры городского праздника наполнилась изображениями крепостей как новым изобразительным мотивом.

Образ старинной крепости как феномен русской архитектуры последней трети XVIII в. «растворен» в различных публикациях, посвященных русской неоготике. В настоящей статье исследуется история изучения различных архитектурных воспроизведений образа крепости, относящихся к последней трети XVIII в., и те пути, которыми следовали историки архитектуры, анализируя это явление.

Первым мысль о влиянии фортификации на формы «готического» подмосковного усадебного ансамбля екатерининского времени осторожно высказал В.В. Згура в статье «Новые памятники псевдоготики» 1927 г.³, которая была посвящена подмосковному имению П.И. Панина Михалково. В той же статье им впервые в истории

² Кириченко Е.И. Неклассические тенденции в русской архитектуре эпохи классицизма // Матвей Федорович Казаков и архитектура классицизма. М., 1996. С. 142–162.

³ Згура В.В. Новые памятники псевдоготики // Сборник общества изучения русской усадьбы. 1927. № 1. С. 1–4.

изучения вопроса было выдвинуто предположение о связи между военной карьерой владельца имения и появлением крепостных черт в заказанных им постройках, которое со временем развилось в общепринятую концепцию изучения и других памятников этого круга. Свое предположение он подкрепил беглым указанием на орнаменты с полумесяцем (впрочем, оговорив, что это наблюдение лишь «отчасти» может его аргументировать).

Отметим, что самым ранним из известных источников, в котором содержатся сведения о неких архитектурных копиях турецких крепостей в имении того или иного генерала, прославившегося в турецких кампаниях последней трети XVIII в., является путевой дневник английского пастора У. Кокса, однозначно описавшего виденные им парковые павильоны в усадьбе Васильевское на Воробьевых горах, принадлежавшей князю В.М. Долгорукову-Крымскому, как архитектурные «трофеи»⁴. И, хотя сегодня хорошо изучен феномен экзотических стилей — «спутников» европейского неоклассицизма⁵, это представление настолько устойчиво, что даже в последних публикациях встречаются предположения об ориентальных влияниях на архитектуру екатерининского времени: к примеру, в качестве источника вдохновения «замка» в Островках (являвшегося русской репликой Струберри Хилл Хаус Горация Уолпола близ Лондона) назван дворец Топкапы в Стамбуле⁶.

В 1920-е гг. в работах Н.А. Кожина⁷ была развита гипотеза о «почвенных» основах «Екатерининской псевдо-готики»⁸ и принят сравнительный анализ некоторых «готических» построек 1770–1780-х гг., в том числе и служебных корпусов в имении А.П. Ермолова Красное, с образцами стиля в Царицыно и Царском Селе. Заслуживает внимание то обстоятельство, что Кожин упомянул несохранившуюся ограду двора в имении Красное, оснащенную подобием кордегардий в виде зубчатых башен. Однако трактовал он их исключительно с позиций формального метода искусствознания —

⁴ “I particularly remarked those of Yenikale, Keretch, and Precop”. — *Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. Interspersed with historical relations and political inquiries.* London, 1784. P. 345.

⁵ *Борисова Е.А. Ранний романтизм и русская архитектура // Мир искусств. Альманах.* 1991. С. 378.

⁶ *Орехова Е.М. «Великолепные чертоги...» Резиденции Г.А. Потемкина в Петербурге и окрестностях // «Это сам Потемкин!» К 280-летию Светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического.* СПб., 2020. С. 126.

⁷ *Кожин Н.А. Основы русской псевдо-готики XVIII в. Село Знаменки Тамбовской губернии.* Л., 1924; *Он же. Основы русской псевдо-готики XVIII века. Село Красное Рязанской губернии.* Л., 1927.

⁸ Доклад архитектора и историка С.А. Гамбурцева упомянут И.Е. Бондаренко (см.: *Бондаренко И.Е. Архитектор Матвей Федорович Казаков.* М., 1912. С. 15).

как пример принципа «глубинности». Проблема образности архитектуры для Кожина не существовала. Между тем именно в таком скрупулезном анализе формы потенциально содержался выход на закономерности представления о крепости, которые позволяли зрителю опознать ее образ в сооружении, не имевшем ровно никакой оборонительной функции: мотив угловой башни, или пары башен, фланкирующих арку, как архитектурных паттернов, выражающих идею замкнутости, ограждения.

Следует отметить, что черты замка в усадебной и придворной архитектуре упоминали еще дореволюционные знатоки русского XVIII в. — но только для того, чтобы описать специфику плана и объемно-пространственное решение той или иной постройки. Тем не менее назвать крепостную архитектуру полноценным источником для того или иного ансамбля они не решались.

Так, Н.Н. Врангель в своем эссе «Помещичья Россия» кратко упомянул побочную линию развития русской архитектуры во второй половине XVIII в. — «экзотического» характера⁹. Интересно, что Врангель избрал в качестве примеров всего три постройки — дворцы в Чесме, Островках и Вишенках, аттестовав их как «тип “готики Louis XVI”». Характерно, что, переходя к памятникам эпохи романтизма, он применяет такие определения, как «рыцарский стиль» и «подобие замков феодальных». Врангель сосредоточен на проблеме стиля названных сооружений исключительно с позиции знатока эпохи и эссеиста: образ замка — только эстетическое переживание, которое к тому же, по собственному признанию автора, плохо встраивается в составленный им образ «русского дворянского гнезда»¹⁰.

Еще один исследователь русского XVIII в., А.Е. Бондаренко, выпустивший до революции книгу, посвященную М.Ф. Казакову, в том числе его «готическим» постройкам и в частности Петровскому подъездному дворцу¹¹, также полностью проигнорировал возможность проанализировать необычное объемно-пространственное решение этого сооружения в контексте реминисценций крепостной архитектуры и вместо этого сосредоточился на его стиле.

Историк русской архитектуры Г.К. Лукомский предпринял попытку систематизировать все постройки согласно их назначению — «типу», которому обычно соответствует тот или иной стиль. Как и Врангель, он «канонизирует» классицистический образ русской усадьбы. Неминуемо столкнувшись на этом пути с необходимостью

⁹ Врангель Н.Н. Венок мертвым. СПб., 1913. С. 51.

¹⁰ Там же. С. 51–52.

¹¹ Бондаренко И.Е. Указ. соч. С. 15–17.

объяснить исключение из выведенного им правила в виде «готических» ансамблей, Лукомский дополняет его: «усадьбы ... в стиле Казаковской Екатерининской готики — могут быть очень типичны для строительства русской провинции»¹². В качестве удачного примера неклассической усадьбы он приводит Вишенки графа П.А. Румянцева-Задунайского вблизи Чернигова, причем называет ее главный дом «дворцом (в замковом стиле)»¹³. Но в то же время декоративные башни парковой ограды в подмосковной усадьбе Бибиковых Гребнево (близкие царицынской «готике») в его статье, напечатанной в журнале «Столица и усадьба» в 1917 г., названы «павильончиками»¹⁴. Годом ранее неизвестный корреспондент этого же журнала, описывая «Круглый двор» в малороссийском имении Тростянец, отмечал, что это сооружение «представляет собой точно маленькую крепость с четырьмя башнями по углам и воротами по середине»¹⁵. Для истории вопроса важно, что параллели с замками были проведены, но они не привели к поиску дальнейших путей интерпретации. В сущности, до 1920-х гг. в русской историографии сравнение с формами крепостной архитектуры скорее отражало интуицию эссеиста, а не конкретную художественно-историческую ситуацию.

Методологическим рубежом, который мог бы открыть новый этап в изучении русской архитектуры XVIII в., стало исследование Е.А. Тартаковской, посвященное Чесменскому (Кекерекексинскому) дворцу Екатерины II. Наравне со стремлением показать это произведение Фельтена в контексте западноевропейских памятников, составлявших его архитектурный «бэкграунд», в нем содержался семантический анализ этого проекта как оригинальной репрезентации легитимности царствования. Тартаковской была открыта такая черта, как программность этого архитектурного заказа, уравновесившая стилистические изыскания формальной школы¹⁶. В статье, вышедшей, как и «Новые памятники псевдоготики» В.В. Згура, в 1927 г., были подробно рассмотрены композиционные особенности «увеселительного замка», очерчен круг наиболее вероятных английских образцов и впервые в истории изучения русской «неоготики» XVIII в. со всей определенностью высказаны наблюдения над ху-

¹² Лукомский Г.К. Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства. Часть I. Петроград, 1916. С. 362.

¹³ Там же. С. 361.

¹⁴ Лукомский Г.К. Гребнево // Столица и усадьба. 1917. № 75. С. 8.

¹⁵ Тростянец // Столица и усадьба. 1916. № 54. С. 5.

¹⁶ Тартаковская Е.А. Чесменский дворец // Изобразительное искусство. Л., 1927. С. 171–193.

дожественным языком этой архитектуры и — что особенно ценно с точки зрения методологии — механизмом их восприятия современниками, даже наиболее искусственным из которых «достаточно было видеть зубчатые башни, стрельчатые окна и ров с подъемными мостами, чтобы в восторге воскликнуть: “echt gothisch”, “altväterlich” [нем.: *настоящая готика, старина*]»¹⁷.

Таким образом, как и В.В. Згура, Е.А. Тартаковская во второй половине 1920-х гг. пришла к выводу, что желание русского заказчика последней трети XVIII в. имитировать собирательный образ условной крепости можно попытаться трактовать через его биографию и, соответственно, индивидуальные установки — будь то честолюбие военачальника или необходимость обоснования прав на престол.

Как было показано выше, в русской историографии определение «замковый стиль» применительно к неклассицистическим усадебным постройкам встречалось и в дореволюционных сочинениях Г.К. Лукомского, оно означало подражание формам замка и являлось весьма размытым. Однако в английской историографии это определение к 1920-м гг. приобрело более весомый статус термина, обозначающего целое направление. Представляется действительно важным событием публикация в 1922 г. исследования творчества братьев Адам английского историка архитектуры Артура Болтона, в котором глава, посвященная их собственному варианту “Gothic taste”, была названа “Castle style”¹⁸. Если для Г.К. Лукомского «замковый стиль» стоял в одном ряду с «китайским», «мавританским» и прочими «экзотическими» стилями, служа более точному описанию облика того или иного здания, то Болтон вводит словосочетание “castle style” как понятие, обозначающее целый ряд проектов (castellar house), созданных в мастерской Адамов на протяжении 1760–1790-х гг., в которых развивался новый национальный «большой» стиль, синтезировавший неоготику и классическую ордерную систему. Неизвестно, была ли книга А. Болтона доступна в России, или же В.В. Згура и Е.А. Тартаковская независимо от нее в середине 1920-х гг. сделали в своих научных изысканиях акцент на интерпретации «готических» сооружений как воплощенных фантазиях о взятых крепостях и древних замках, а не на проблемах исключительно готического стиля.

Новой важной вехой в истории вопроса явилась статья Т.А. Каздан, которая была опубликована в 1961 г.: в ней исследовался тот

¹⁷ Там же. С. 180.

¹⁸ Bolton A. T. The architecture of Robert & James Adam (1758–1794). Vol. 2. London, 1922. P. 88–98.

самый дворец в «замковом стиле», по выражению Лукомского, в усадьбе Вишенки, принадлежавшей П.А. Румянцеву-Задунайскому¹⁹. В этой работе автор, касаясь проблемы стиля «дворца-замка», характеризует его как «романтический», противоположенный «классическому», не без основания, не уводя свое исследование в проблематику «готического» стиля. Т.А. Каждан первой указала на возможную связь с проектами загородных домов, созданных Р. Адамом, подкрепив их документами, обнаруженными ею в архиве Румянцева-Задунайского. Однако такой подход, взвешенно сочетающий архивные изыскания с наблюдениями над архитектурными формами, не повлиял на магистральную линию изучения этого круга памятников.

За редким исключением сравнение того или иного памятника с крепостью встречается в искусствоведческих описаниях русских неоготических построек в качестве тропа. К примеру, в статье Д.О. Швидковского «Псевдоготика в русской архитектуре 1770–1780-х гг., ее английские источники и западно-европейские аналоги», опубликованной в 2001 г. и подводившей итог научных изысканий в области русской «готики» Просвещения всего предыдущего столетия, вновь встречаем это переплетение строго научного стиля с эвристическим описанием архитектурных форм «Эрмитажной кухни» Нееловых в Царском Селе, «которая приняла образ средневекового укрепления, охранявшего вход в усадьбу. ... [и] воспринималась как часть готического замка и как бы предполагала за ней существование других “рыцарских” построек»²⁰.

В начале 1990-х гг. Л.В. Андреевой был предложен новый подход к интерпретации ансамбля Царицыно. Исследователем были концептуализированы представления о «готике» Просвещения как попытке воссоздания национального стиля — и сделано это было именно через образ крепости. Автор предлагает рассматривать строительство новой резиденции как воплощение древней московской цитадели (которую в предшествующем десятилетии неудачно пытались превратить в подобие русского акрополя) — «Кремленграда»²¹. Эта статья открывает ряд работ 2000–2010-х гг., знаменующих новый этап в исследовании образа крепости екатерининского времени — переход к иконологии архитектуры.

¹⁹ Каждан Т.П. Архитектурные памятники XVIII века в селе Вишенки // Ежегодник Института истории искусств. 1960. С. 149–179.

²⁰ Швидковский Д.М. Псевдоготика в русской архитектуре 1770–1780-х гг., ее английские источники и западноевропейские аналоги // Архитектурное наследство. 2001. № 44. С. 140.

²¹ Андреева Л.В. Царицыно Баженова — императорская подмосковная резиденция. Диалог с древними строениями Московского Кремля // Царицынский научный вестник. 1993. № 1. С. 71.

В 2014 г. была дополнена и переиздана монография М.Н. Соколова «Три пути в рай», в которой на примере Троицкого-Кайнарджи графа П.А. Румянцева-Задунаского и Сабуровской крепости графа М.Ф. Каменского, а также «крепости Бип» Павла I был рассмотрен феномен усадебной военной «мемории» и высказано предположение о возрождении традиции «потешной крепости» в последней трети XVIII в.²² Исследователь сопоставляет русские усадебные «крепости» и их заказчиков с героями английских сатирических романов первой половины XVIII в., в которых были выведены гротескные типы «вояк», удалившихся на покой в собственные поместья, жизнь в которых уподоблена службе гарнизона в военной крепости.

Впервые образ крепости именно как предмет исследования был сформулирован А.А. Ароновой в статье «„Нежная готика“ Василия Баженова и образ крепости в русской культуре XVIII века»²³ 2019 г. В ней автор исследует отражение образа крепости в графике Нового времени, начиная с середины XVII в. и вплоть до середины XVIII в., в галантном жанре аллегорических карт, а также в придворных праздниках елизаветинского времени, и выдвигает предположение о том, что именно это искусство предуготовило идею празднования Кучук-Кайнарджийского мира на Ходынском поле в 1775 г. и кроме того послужило одним из источников формирования «готического языка Просвещения»²⁴. Архитектурное подражание крепости автор постулирует как «семантический признак» «готичности» в целом²⁵.

В том же в 2019 г. была издана книга А.Н. Спащанского, посвященная основанию и развитию ансамбля Гатчины. Автор анализирует своеобразие решения фасадов Большого Гатчинского дворца и предлагает в качестве его иконографических прототипов итальянские укрепленные палаццо²⁶. В этой же главе автор помещает краткий экскурс в историю претворения замковой башни в часть декорации фасада. Не ставя перед собой цель исследования культурологического аспекта феномена образ крепости эпохи Просвещения, он, в сущности, вступает в область иконографии архитектуры и показывает, как потерявшая функциональный смысл башня, «рудимент» не только сохраняется, но и занимает почетное место на глав-

²² Соколов М.Н. Три пути в рай. Природа, религия и искусство в пространстве сада. М., 2014. С. 611–613.

²³ Аронова А.А. «Нежная готика» Василия Баженова и образ крепости в русской культуре XVIII века // Василий Баженов и грекоготический вкус. М., 2019. С. 128–146.

²⁴ Там же. С. 146.

²⁵ Там же. С. 129.

²⁶ Спащанский А.Н. Гатчина во второй половине XVIII века. Рождение резиденции. СПб., 2019. С. 80.

ном фасаде дворца, будучи элементом, демонстрирующим знатность владельца, — «фетишем», вокруг которого разворачивается идейная программа на тему родовитости и приверженности славе предков.

Рассмотренный выше «корпус упоминаний» русского образа крепости, составляя подобие его собственной историографии, являет картину зависимости от проблемы истории стиля: его изучение долгое время определялось формально-стилистическим методом (отметим, что вклад этих работ в атрибуцию и описание памятников невозможно переоценить). Работы Е.А. Тартаковской, позднее Т.А. Каждан, некоторые методологические интуиции В.В. Згуры стали научными «высотами» в историографии. Они задали качественно новые вопросы известным им памятникам: не «как архитектор исполнил заказанный ему проект?», но «что под этим архитектурным “высказыванием” подразумевал заказчик?». Новый этап в историографии образа крепости именно как предмета исследования начался в 1990–2000-е гг., с этого времени исследование стало подразумевать создание авторского нарратива.

Тем не менее, в выстроенной к сегодняшнему дню парадигме изучения образа крепости по-прежнему не осмысленным остается факт существования круга памятников екатерининского (и позднее павловского) времени, планы и объемно-пространственное решение которых отчетливо апеллируют к архитектуре крепостей, будучи при этом лишены «готической» декорации. Эти памятники ставят под сомнение и непреложность ассоциации образа крепости с «готическим вкусом». «Фортеции» как парковые затеи устраивались в подмосковных усадьбах еще до первых «готических» заказов Екатерины II 1770-х гг. (к примеру, несохранившийся охотничий парк «Зверинец» Растрелли). Кроме того, в середине — второй половине XVIII в. строится множество скромных по масштабам и мало-разнообразных по исполнению каменных оград монастырей и церквей, воспроизводящих структуру крепости, с фиктивным башнями и невысокими стенами — круг памятников, никогда не учитывавшийся «всерьез» историками архитектуры. Образ крепости хотя и коррелирует со стилем, но, к примеру, для его «редакции», созданной Горацием Уолполом, образ католического аббатства²⁷ так же значим, как и образ замка. Представление о неоготике как о художественной апелляции к национальной старине «не работает» при анализе «замка» в Островках, выстроенного И.Е. Старовым для князя Потемкина, или здания Кригскомиссариата, одинаково чуждых московской «почвенной» ветви стиля.

²⁷ Haggerty G. E. Queering Horace Walpole // *Studies in English Literature, 1500–1900. Restoration and Eighteenth Century*. 2006. Vol. 46. N 3. P. 558.

Во Франции в 1780-е гг. под влиянием английского пейзажного парка складывается свой образ крепости — с иным, нежели в Англии, пафосом отказа от классицизма: сентименталистский идеал пасторали оборачивался символом бедности — именно она вынуждала дворянина жить в родовом шато, и эта коннотация деревенского образа жизни была очевидна человеку эпохи Людовика XV²⁸. Между тем «Ферма» в Петровско-Разумовском, дома в усадьбах Денежниково, Черемушки и Поливаново отмечены влиянием французской интерпретации образа крепости, которое до сих пор не исследовано.

Почему же этот довольно обширный круг памятников так долго не был рассмотрен вне контекста проблемы стиля?

Этот частный вопрос историографии находит ответ в методологии советских и постсоветских искусствоведов, во многом опирающихся на сочинения дореволюционных эссеистов. Благодаря этому этапу было сделано очень много: уяснены основные художественные особенности стиля, история возникновения и развитие, а также установлены хронологические границы. Между тем интерпретация образности — область иконологии — оставалась без должного внимания. Возможно, отчасти это объясняется еще одним аспектом — «источниковедческим»: многие памятники были практически неизвестны и не попадали в поле зрения исследователей. Если усадьба Михалково, расположенная в черте Москвы, была специально введена в научный оборот с подзаголовком «Новые памятники псевдо-готики» то иные из многочисленных усадебных и церковных ансамблей в провинции до сих пор не атрибутированы. Проблему представляют датировки — и это касается даже обстоятельств закладки ключевых памятников неоготики, относящихся к числу императорских заказов. В ситуации, когда каждый новый памятник неоготики XVIII в. рассматривался как источник новых сведений о зарождении и развитии неоготического стиля в России, а происхождение стиля и его осмысление современниками все еще порождало дискуссии, сам образ старинной крепости и стоящая за ним идейная программа оказывалось на периферии внимания исследователей.

Объективной проблемой исследований образа крепости русского XVIII в. являлось недостаточное привлечение европейского архитектурного контекста, в котором эстетизация крепости как отдельная тема существовала по меньшей мере с первой трети XVII в. Русские вариации этой темы, будучи из него вырваны, за редким исключением преподносились как некая данность, не имевшая ни

²⁸ Фонвизин Д.И. Письма из Франции к графу П.И. Панину в Москву // Полное собрание сочинений Д.И. Фон Визина. Ч. 2. М., 1830. С. 16.

прототипов, ни параллелей за пределами круга заказов Екатерины II и ее окружения.

Самоценность образа крепости как темы, с наличием в нем целого комплекса представлений, раскрывалась постепенно в работах советских искусствоведов. Этот процесс протекал рывками, переживая периоды методологического регресса, и все еще находится в состоянии становления. На рубеже XX – XXI вв., когда был накоплен и осмыслен материал по истории самих архитектурных памятников, исследования образа крепости постепенно сместились в область иконографии архитектуры. Можно констатировать лакуны в представлениях о европейских влияниях на русские памятники, необходимость расширения круга объектов исследования, а также уточнение тех объемно-пространственных и композиционных паттернов, за счет которых образ мог быть узнан, т.е. теории его формообразования. Дальнейшее развитие темы видится в русле архитектурной семиотики — в изучении крепости как знака и отыскании того значения, которое вкладывалось в то или иное сооружение заказчиком и «считывалось» современниками.

References

Andreeva L.V. *Tsaritsyno Bazhenova — imperatorskaya podmoskovnaya rezidentsiya. Dialog s drevnimi stroeniyami Moskovskogo Kreml'ya* [Bazhenov's Tsaritsyno as Moscow Imperial Suburban Residence. Dialogue with Ancient Structures of the Moscow Kremlin] // *Tsaritsynskiy nauchnyy vestnik*. 1993. N 1. P. 66–74.

Aronova A.A. “*Nezhnaya gotika*” *Vasiliya Bazhenova i obraz kreposti v russkoy kulture XVIII veka* [Vasily Bazhenov's “Tender Gothic” and the Image of the Fortress in the 18th-Century Russian Culture] // *Vasily Bazhenov i grekogoticheskiy vkus* [Vasily Bazhenov and the Greco-Gothic Taste]. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvovznaniya, 2019. P. 128–146.

Bolton A.T. *The Architecture of Robert & James Adam (1758–1794)*. Vol. 2. London: Country Life; George Newnes; New York: Charles Scribner's Sons, 1922. P. 88–98.

Bondarenko I.E. *Arkhitektork Matvey Fedorovich Kazakov* [Architect Matvey Fedorovich Kazakov]. Moscow: Moskovskoe arkhitekturnoe obshchestvo, 1912. 45 p.

Borisova E.A. *Ranniy romantizm i russkaya arkhitektura* [Early Romanticism and Russian Architecture] // *Mir iskusstv. Al'manakh* [World of Art. Almanac]. Moscow: GITIS; VNII iskusstvovznaniya, 1991. P. 366–384.

Haggerty G.E. *Queering Horace Walpole* // *Studies in English Literature, 1500–1900. Restoration and Eighteenth Century*. 2006. Vol. 46. N 3. P. 543–556.

Kazhdan T.P. *Arkhitekturnye pamyatniki XVIII veka v sele Vishenki* [Architectural Monuments of the 18th Century in the Village of Vishenki] // *Ezhгодnik Instituta istorii iskusstv* [Yearbook of the Institute of Art History]. 1960. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. P. 149–179.

Kirichenko E.I. *Neklassicheskie tendentsii v russkoy arkhitekture epokhi klassitsizma* [Non-Classical Trends in Russian Architecture of the Classicism Era] // *Matvey Fedorovich Kazakov i arkhitektura klassitsizma* [Matvey Fedorovich Kazakov and the

Architecture of Classicism]. Moscow: NII teorii arkhitektury i gradostroitel'stva, 1996. P. 142–162.

Kozhin N.A. *Osnovy russkoy psevdogotiki XVIII v. sela Znamenki Tambovskoy gubernii* [Foundations of the 18th-Century Russian Pseudogothic in the Village of Znamenki, Tambov Province]. Leningrad: Tipografiya INTRUD, 1924. 16 p.

Kozhin N.A. *Osnovy russkoy psevdogotiki XVIII veka. Selo Krasnoe Ryazanskoy gubernii* [Foundations of the 18th-Century Russian Pseudogothic. Village of Krasnoe, Ryazan' Province]. Leningrad: Academia, 1927. 40 p.

Lukomskiy G.K. *Grebnevo // Stolitsa i usad'ba*. 1917. N 75. P. 4–8.

Lukomskiy G.K. *Pamyatniki starinnoy arkhitektury Rossii v tipakh khudozhestvennogo stroitel'stva* [Monuments of Ancient Architecture of Russia in the Types of Artistic Construction]. Part I. Petrograd: Shipovnik, 1916. 396 p.

Orehova E.M. “*Velikolepnye chertogi...*” *Rezidentsii G.A. Potemkina v Peterburge i okrestnostyakh* [“Magnificent Palaces...” Residences of G.A. Potemkin in Saint Petersburg and Surroundings] // “*Eto sam Potemkin!*” *K 280-letiyu svetleyshego knyazya G.A. Potemkina-Tavricheskogo* [“This is Potemkin Himself!” On the 280th Anniversary of His Serene Highness Prince G.A. Potemkin-Tavrichesky]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2020. P. 116–131.

Shvidkovskiy D.M. *Psevdogotika v russkoy arkhitekture 1770–1780-kh gg., eye angliyskie istochniki i zapadnoevropeyskie analogi* [Pseudogothic in Russian Architecture in the 1770s–1780s, Its English Sources, and Western European Analogues] // *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 2001. N 44. P. 136–146.

Snegirev V.L. *Arkhitekt V.I. Bazhenov: ocherk zhizni i tvorchestva k 200-letiyu so dnya rozhdeniya* [Architect V.I. Bazhenov: An Essay on Life and Work on the 200th Anniversary of His Birth]. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoy akademii arkhitektury, 1937. 186 p.

Sokolov M.N. *Tri puti v ray. Priroda, religiia i iskusstvo v prostranstve sada* [Three Ways to Heaven. Nature, Religion, and Art in the Space of the Garden]. Moscow: Stradiz; Feoriya, 2014. 719 p.

Spashchanskiy A.N. *Gatchina vo vtoroy polovine XVIII veka. Rozhdenie rezidentsii* [Gatchina in the Second Half of the 18th Century. The Birth of the Residence]. Saint Petersburg: Paritet, 2019. 384 p.

Tartakovskaya E.A. *Chesmenskiy dvorets* [Chesme Palace] // *Izobrazitel'noe iskusstvo* [Fine Arts]. Leningrad: Academia, 1927. P. 171–193.

Trostanets // Stolitsa i usad'ba. 1916. N 54. P. 3–6.

Wrangel N.N. *Venok mertvym* [Wreath to the Dead]. Saint Petersburg: Tipografiya “Sirius”, 1913. 187 p.

Zgura V.V. *Novye pamyatniki psevdogotiki* [New Monuments of Pseudogothic] // *Sbornik obshchestva izucheniya russkoy usad'by*. 1927. N 1. P. 1–4.

Поступила в редакцию
3 июня 2023 г.